
ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ
ПЕРИОДА ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ¹

© 2017 г. Анастасия Сергеевна Туманова²,
Александр Александрович Сафонов³

Авторы статьи исследуют вопросы: когда права и свободы человека стали для нашего Отечества значимым понятием, с чем это было связано и как развивалась данная категория в политическом и правовом дискурсе времени Первой русской революции. Сквозь призму развития понятия прав и свобод человека рассмотрена история российской конституционной реформы и многопартийности начала прошлого века. Существенное внимание уделено месту и роли института прав и свобод человека в ходе подготовки конституционной реформы.

The authors explore the questions: when human rights and freedom became an important concept for our Motherland, with which it was connected, and how this category developed in the political and legal discourse of the First Russian Revolution. The history of Russian constitutional reform and multiparty system of the last century are considered through the prism of the history of the concept of human rights and freedoms. Considerable attention is given to the place and role of human rights and freedoms in the preparation of the constitutional reform.

Ключевые слова: права и свободы личности, конституционная реформа, история правовой и политической мысли России, Российская Империя.

Key words: human rights and freedoms, constitutional reform, the history of legal and political thought of Russia, the Russian Empire.

В современной России права человека являются одной из наиболее востребованных обществоведскими академическими тем. Ученые-правоведы считают создание доктрины защиты прав человека первоочередной задачей юриспруденции, причем не только теоретической, но и отраслевой⁴. Правам человека и их соблюдению придается значение важнейшего фактора в создании стратегий устойчивого развития Российской Федерации⁵. Признается, что госу-

дарство, основывающееся на уважении прав человека, претендует на статус правового государства, в котором правоохранительная и правозащитная виды деятельности взаимно дополняют друг друга и служат созданию оптимальных условий для реализации права⁶.

Современные правоведы справедливо указывают, что само по себе обращение к трактовке прав человека и гражданина как прав естественных и неотчуждаемых придает научное и практическое значение идее общечеловеческих ценностей, воспринимаемых обособленно от политико-правовых ценностей тех или иных социальных групп⁷. Заложенный в воззрениях на права человека ценностный аспект чрезвычайно важен еще и потому, что права человека служат основанием правовой доктрины, признающей их естественный, безусловный и неотчуждаемый характер. Эта доктрина оказала влияние на разработчиков Конституции Российской Федерации 1993 г., где права человека были признаны высшей ценностью, а их соблюдение и защита объявлены главной обязанностью государства.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта Фонда фундаментальных исследований НИУ “Высшая школа экономики” в 2016 г.

² Профессор кафедры теории и истории права факультета права Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, доктор юридических наук, профессор (E-mail: anastasiya13@mail.ru). Anastasiya Tumanova, professor of the department theory and history of law of Law faculty of National Research University “Higher School of Economics” (HSE), Doctor of Law, Professor (E-mail: anastasiya13@mail.ru).

³ Профессор кафедры теории и истории права факультета права Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, доктор юридических наук, профессор (E-mail: asafon_1970@mail.ru). Professor of the department theory and history of law of Law faculty of National Research University “Higher School of Economics” (HSE), Doctor of Law, Professor (E-mail: asafon_1970@mail.ru).

⁴ См.: Ланаева В. В. Формирование доктрины защиты прав личности как актуальная задача теории права // Росс. правосудие. 2006. № 4. С. 14–30; Права человека. Итоги века, тенденции, перспективы / Рук. авт. колл. и отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2002.

⁵ См.: Лукашева Е. А. Права человека и устойчивое развитие / Права человека. Итоги века, тенденции, перспективы / Рук. авт. колл. и отв. ред. Е. А. Лукашева. С. 35, 36.

⁶ См.: Автономов А. С. Права человека, правозащитная и правоохранительная деятельность. М., 2009. С. 312.

⁷ Графский В. Г. Конституция и конституционализм в междисциплинарном восприятии (История и современность) // Философия права и конституционализм (Материалы четвертых философско-правовых чтений памяти акад. В. С. Нерсисянца, 2 октября 2009 г.). М., 2010. С. 34, 35.

Утверждение прав человека в постсоветской России продолжает историческую традицию, заложенную в позднимперский период. В нашей статье будет рассмотрен опыт конструирования российскими политиками и юристами логически цельной конструкции неприкосновенных личных и политических прав отдельных членов общества, ставшей теоретическим обоснованием российского конституционализма начала XX в.

В подходе к изучению дореволюционного российского конституционализма авторы статьи в методологическом отношении опираются на трактовку конституционализма, данную историками Института государства и права под руководством В. С. Нерсисянца. Это была новаторская для своего времени оценка конституционализма как единства трех его характеристик: политико-правовой идеологии (доктрины), программного требования политического движения, а также воплощения новой политической доктрины в правотворческой и правоприменительной практике Российского государства⁸. Первые два аспекта данной трактовки получают подробное освещение в настоящей статье. Авторами также апробируется восприятие прав человека в неразрывной связи со свободами человека как единого целостного института, подлежащего регулированию и защите⁹. Характеризуя вклад дореволюционных российских правовых мыслителей в развитие прав и свобод человека, авторы разделяют представление о российской правовой традиции как о традиции высоконаучной, оценивающей категории прав личности, правового и конституционного государства с учетом специфики российской государственности. Такое представление высказано в работах Ю. Л. Шульженко и представителей его школы¹⁰.

По сравнению со странами Западной Европы и США, познакоившимися с понятием “права человека и гражданина” еще в XVIII столетии благодаря философам-просветителям Дж. Локку, Ш. Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и др. и тогда же включившими их в свой официальный политический язык (имеется в виду закрепление прав в Декларации прав американского штата Вирджиния 1776 г. и во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г., явившейся основой

европейского законодательства о правах человека), в России оно стало расхожим существенно позднее, только в начале XX в. Это было связано со спецификой исторического развития страны, где патерналистские отношения монарха и подданных были нормой в силу длительного существования самодержавия, сословного строя и крепостного права. Особенности исторического развития страны порождали характерные черты правового сознания подданных российского монарха, которым было чуждо представление о естественных, неотъемлемых и неотчуждаемых правах человека, бывшее основой западной политико-правовой доктрины эпохи Просвещения, и близко рассуждение о правах как об оборотной стороне обязанностей личности перед государством, об обусловленности прав социальным положением и профессиональным статусом, степенью близости тех или иных общественных групп к элитам. На права личности в России смотрели как на даруемые правителями на определенном этапе исторического развития и при необходимости отчуждаемые ими.

Между тем в российском политическом и правовом лексиконе начала XX в. права и свободы человека явились уже одним из наиболее популярных понятий. Распространение, обоснование, а также различные толкования этой категории были связаны с развитием либерально-конституционного движения в канун Первой русской революции, а также в период революции, вовлечением в него новых групп российского общества. В словарный запас российской публики вошли тогда также тесно сопряженные с категорией “права личности” понятия “правовой строй”, “представительное правление”, “законность” и др. Понятие “права и свободы человека” раскрывалось с привлечением данных понятий и в свою очередь помогало уточнять их содержание.

Само по себе выдвижение и поддержание требования дарования русским подданным прав и свобод человека имело характер кампании. С лозунгом дарования гражданских и политических свобод в числе первых в России выступило объединение земских деятелей 1899–1905 гг. — нелегальный кружок “Беседа”. При этом конституционалисты и славянофилы как представители разных направлений в земском движении рассматривали обеспечение гарантий прав человека основополагающей целью государственной власти в области практической политики. Конституционалисты понимали права личности в европейском смысле. Они трактовали их как культурную ценность, выработанную человечеством в ходе его развития и предложенную правителем обществом, т.е. не требовавшую

⁸ См.: История буржуазного конституционализма XVII — XVIII вв. / Отв. ред. В. С. Нерсисянц. М., 1983.

⁹ См.: Автономов А. С. Указ. соч. С. 85.

¹⁰ См.: Шульженко Ю. Л. Дореволюционные российские ученые о конституционном государстве // Конституционно-правовые идеи в монархической России / Отв. ред. Ю. Л. Шульженко. М., 2007. С. 3, 4; Кудрявцев М. А. Юридический статус личности и политическая реформа 1905–1906 гг. в России // Там же. С. 47–58.

властного обоснования. Права человека составляли для них базис для построения конституционной модели управления¹¹.

Ключевую роль в закреплении представления о правах и свободах личности в общественном сознании как о безусловной ценности и об основе нового правопорядка сыграл подцензурный журнал “Освобождение”, издававшийся П. Б. Струве в эмиграции в 1902–1905 гг. и объединивший либералов земского и неземского толка. Именно “Освобождение”, являвшееся наиболее авторитетным пропагандистом идеологии, нацеленной на ликвидацию авторитарного строя и создание правового государства, развернуло на своих страницах дискуссию по поводу содержания понятия “права и свободы человека” и его значения для политического развития страны. За период 1903–1905 гг. вопросам предоставления населению прав и свобод, а также ограничения свобод российской администрацией этот журнал уделял в общей сложности более 50% объема¹². Дискуссия о правах человека в журнале способствовала осмыслению содержания и наполнения понятий “права” и “свободы”.

Каталог основных прав и свобод, выработанный журналом “Освобождение”, включал в себя личную свободу, гарантированную независимым судом, равенство перед законом, отмену национальных, сословных и религиозных ограничений, свободу печати, собраний и союзов, право петиции. Вектор поведения публичной власти “Освобождение” связывало с дарованием подданным прав и свобод и их последующим закреплением в законодательстве. Свободы признавались необходимыми для нормального течения общественной жизни, а также для спасения бюрократии (читай — самодержавия. — *А.Т., А.С.*) от “разложения”¹³.

Перечень прав и свобод человека, толкования отдельно взятых свобод, характеристика функций Российского государства в связи с их закреплением и обеспечением присутствовали в программных документах “Союза освобождения” — объединения российских либералов, возникшего вокруг журнала “Освобождение” и явившегося предтечей кадетской партии. Эта организация выступила одним из главных идеологов движения за права личности. На учредительном съезде “Союза освобождения” в январе 1904 г. князь Д. И. Шаховской

заявил: “В свободе личности мы признаем альфу и омегу нашего политического символа веры; в нашей программе это вместе и исходное начало, на котором все строится, и конечная цель, к которой все направляется. Мы считаем особенно важным настаивать на этом в русском обществе, среди которого не только реакционные, но и прогрессивные партии часто относились с пренебрежением к этому основному требованию общественности”¹⁴. Идея создания декларации прав человека была сформулирована в октябре 1904 г. в проекте конституции, выработанном лидерами “Союза освобождения” П. Н. Милюковым, П. Б. Струве и др.¹⁵

Права и свободы человека вошли также в первый раздел программы “Союза освобождения”, принятой в марте 1905 г. и легшей в основу программы кадетской партии. Составленный деятелями этой организации каталог прав человека отражал их представление о приоритетных правах и свободах, а также о последовательности их утверждения в России. “Союз освобождения” закрепил также суждение о предпосланности прав и свобод коренным государственным реформам, к коим относил обновление политического строя, учреждение Государственной думы и системы выборов в нее.

Деятели “Союза освобождения” поставили провозглашение прав и свобод человека в разряд первостепенных реформ, которые планировалось провести до созыва Учредительного собрания и выработки конституции. Эти реформы были призваны создать условия для организации представительного учреждения на демократических основаниях. В самом перечне прав и свобод человека первой значилась неприкосновенность личности и жилища. Данное право конкретизировалось как обеспечивавшее защиту от властного произвола: “Никто не может быть ни обыскан, ни арестован, ни наказан, иначе как в порядке общего судопроизводства, гарантирующего подозреваемому и обвиняемому все средства защиты на всех стадиях судебного разбирательства. Понятие политической неблагонадежности раз и навсегда должно быть упразднено, и никакой акт государственной власти этим понятием впредь не может быть мотивирован”. Вторым требованием в каталоге необходимых прав и свобод значилось установление свободы печатного слова. Под ней понимались полная отмена цензуры и право издавать как периодические, так и непериодические произведения печати без всяких разрешений,

¹¹ См.: Соловьев К. А. Кружок “Беседа”. В поисках новой политической реальности. 1899–1905. М., 2009. С. 72.

¹² См.: Веденеева О. Е. Права человека в либеральной доктрине конституционно-демократической партии России (конец XIX — начало XX в.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1995. С. 122.

¹³ См.: Ближайшая задача // Освобождение. 1904. № 59. 10 нояб. (28 окт.). С. 150.

¹⁴ Шаховской Д. И. Политика либеральной партии // Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 71.

¹⁵ См.: Основной государственный закон Российской Империи. Проект русской конституции, выработанный группой членов “Союза освобождения”. Paris, 1905. С. 50, 51.

залогов и других ограничений. Гарантией свободы печати провозглашалась ее ответственность исключительно перед судебной властью. Третьей задачей в области осуществления прав человека “освобожденцы” считали обеспечение свободы устного слова и публичных совещаний. Эта свобода толковалась ими предельно широко, включая в себя свободу слова, собраний и союзов: “Все граждане должны иметь право произносить речи, читать лекции, устраивать собрания. Далее они должны иметь право образовывать постоянно действующие союзы для всяких целей, прямо не запрещенных общим уголовным законом и притом без всякого предварительного разрешения полицейской власти”. Четвертым требованием было право петиции, трактуемой как право граждан страны обращаться к законодательной власти с заявлениями и ходатайствами. Замыкала перечень прав и свобод личности свобода совести, под которой подразумевались прекращение религиозных преследований и веротерпимость: “Всякий имеет свободное право либо выбрать себе то или другое вероучение и присоединиться к тому или другому вероисповедному обществу, либо отказаться от всякого вероучения и перестать принадлежать к той церкви, членом которой он считался по рождению”¹⁶.

Программа “Союза освобождения” содержала не только перечень прав и свобод человека, но и представление о юридической форме, в которую указанные права следовало облечь. Предполагалось, что права и свободы поначалу, т.е. до принятия конституции, будут обеспечены временными законами. С момента публикации этих законов стране, по мнению либеральных политиков, следовало предоставить четырехмесячный срок для того, чтобы население могло всесторонне подготовиться к выборам в Учредительное собрание¹⁷.

Права и свободы, предоставленные всем подданным российского императора без ограничений и обусловленные наличием у них гражданства (гражданские свободы), представляли в программе либеральной организации в тесной связке со свободами политическими, предполагавшими участие в осуществлении законодательной власти и контроле над правительством. “Освобожденцы” планировали наделение политическими правами всего населения страны без ограничений: представительный орган власти предполагалось организовать на началах всеобщего избирательного права.

Первый опыт публичного заявления либералами декларации насущных прав и свобод состоялся на

проходившем в Петербурге 6–9 ноября 1904 г. земском Съезде, собравшемся в форме частных совещаний земцев вопреки запрещению правительства. Резолюция Съезда, вынесенная деловыми земскими работниками и земельными собственниками (здесь собрались председатели и члены земских управ), содержала требования предоставления гражданам России неприкосновенности личности и жилища (п. 5), свободы совести и вероисповедания, слова и печати, собраний и союзов (п. 6), введения полного гражданского и политического равноправия (п. 7), созыва народного представительства, наделенного законодательными правами и обеспечивающего участие в законодательстве народа (п. 10)¹⁸. Иностранная печать писала о значении Съезда: «С единодушием, поразительным для представителей дворянства и крупной земельной собственности, члены съезда наметили программу, в которой фигурируют все необходимые права... один колоссальный шаг сделан: великая русская нация в ожидании своей “Декларации прав” и своего “Bill of Rights” имеет уже свою “Петицию о правах”»¹⁹.

Требование прав и свобод человека стало стержневой идеей банкетной кампании, организованной “Союзом освобождения” в обеих столицах и других крупных городах в последние два месяца 1904 г. по случаю 40-летия дарования судебных уставов. Выдвижение этого требования придало банкетам дополнительную популярность в глазах организовавшей их интеллигенции — врачей, адвокатов, техников, учителей и др. Так, на прошедшем в Петербурге в декабре 1904 г. банкете инженеров было постановлено, что преуспевание русской промышленности возможно только на почве широкого развития общественной и личной самостоятельности, а необходимыми условиями для такого развития были признаны полная неприкосновенность личности, свободы собраний и союзов, слова и печати²⁰.

Наряду с либеральными организациями в движении за права участвовали различные неполитические профессиональные ассоциации и съезды интеллигенции (учительские, технические, врачебные и др.). Их деятели с обеспечением за подданными гражданских и политических прав связывали

¹⁸ См.: Положения по вопросу об общих условиях, препятствующих правильному течению и развитию нашей общественной жизни, постановленные частным совещанием земских деятелей, назначенным на 6 и 7 ноября 1904 г. в Петербурге // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 102.00. 1904. Д. 1250. Т. 2. Л. 35, 36; *Шунов Д. Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 240.

¹⁹ Перепечатка из французской газеты “Le Temps” в журнале “Освобождение” (см.: Из иностранной печати о русских делах // Освобождение. 1904. № 61. С. 194).

²⁰ См.: Банкет инженеров // Там же. 1904. № 62. 18 (31) дек. С. 214.

¹⁶ Демократическая партия и ее программа // Освобождение. 1905. № 67. 5 (18) марта. С. 278.

¹⁷ См.: там же.

улучшения в своих областях, а также в государственной жизни в целом.

Так, III Съезд деятелей по техническому образованию, проходивший в декабре 1903 — январе 1904 г., в своей резолюции выдвинул требование дарования свобод слова, печати, собраний и союзов, а также отмены религиозных и национальных ограничений. Тема прав личности постоянно поднималась в речах участников Съезда, которые были заметно свободнее резолюций. Техники откровенно потребовали установления обеспеченного законом правопорядка, гарантий личной свободы и неприкосновенности. Приветствуя наступающий 1904 г., 400 техников высказали на товарищеском собрании пожелание, чтобы он принес России то, в чем она более всего нуждается, т.е. политическую свободу. Вслед за этим последовал призыв к интеллигенции и народу объединиться в деле ниспровержения самодержавно-бюрократического строя²¹.

Активисты Петербургского педагогического общества на собрании 28 ноября 1904 г. пришли к выводу, что только “когда каждому гражданину будут предоставлены неотъемлемые права свободной личности..., тогда сможет правильно развиваться самое дорогое для нашего народа дело, дело народного просвещения”²². Требования о наделении населения правами были высказаны в заседаниях Харьковского, Одесского и Курского юридических обществ, Московского общества сельского хозяйства и его Костромского отдела, Киевского и Одесского литературно-артистических обществ, Саратовского литературного общества, Самарского семейно-педагогического кружка, просветительских обществ Нижнего Новгорода, Ярославля, Киева и Курска, учительских обществ взаимопомощи Петербурга и Нижнего Новгорода и др.²³

Идея прав личности как условия для успешного развития народной жизни была высказана профессиональными группами интеллигенции так же безапелляционно, как и активистами либеральных политических организаций. Это стало поводом для юмористического умозаключения А. А. Кизеветтера²⁴. Характеризуя охватившую общественность в ноябре — декабре 1904 г. “эпидемию резолюций” в поддержку введения прав личности, он не без

иронии вспоминал, что острьяки тогда стали поговаривать, что и союз акушеров вынес постановление о невозможности принимать у рожениц детей при отсутствии свобод и конституции²⁵.

С наступлением 1905 г. кампания общественности в поддержку прав и свобод личности достигла наибольшего накала. Требования свобод объединяли уже не только либеральную публику и представителей интеллигентских профессий, но и народ. Организованное священником Г. Гапоном Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Петербурга, выражавшее настроения рабочего населения столицы, в резолюцию от 6 января 1905 г. включило пожелания гарантий прав личности в раздел ближайших требований рабочего класса. К числу гарантий прав были отнесены традиционные неприкосновенность личности и жилища, свободы слова, печати, собраний, обществ и рабочих союзов, а также важная для рабочих свобода стачек. Рабочие ратовали также за уравнивание в гражданских правах всех сословий (крестьян, мещан, купцов, дворян и духовных), народностей и вероисповеданий²⁶.

Лозунги неприкосновенности личности, равенства перед законом, общедемократических свобод слова, печати, собраний, совести и союзов были включены в петицию, с которой рабочие обратились к царю 9 января 1905 г., потребовав также гарантий законности управления²⁷. Характерно, что ответом либерального общества на выдвижение рабочими требований прав личности стала консолидация с их пожеланиями²⁸.

Очевидно, что включение в декларации рабочего движения требований свобод было следствием причастности рабочих к движению за права, охватившему в канун Первой русской революции российский образованный класс и либеральные круги. Сказывалось влияние на рабочих либералов и социалистов, требовавших прав личности. В то же время в рабочей среде, начиная еще с 1899 г. и особенно явно в 1905 г., росло осознание важности приобретения гражданских и политических прав, и появилось определенное упорство в их отстаивании. Жалуясь на тяжелые условия труда на фабриках, отсталую медицинскую помощь и отсутствие социального страхования, рабочие связывали улучшение своего положения с политическими реформами в стране, среди которых пожелание

²¹ Итоги III Съезда деятелей по техническому образованию // Там же. 1904. № 17 (41). 5 (18) февр. С. 310.

²² Золотарев С. Очерк по истории учительского объединения в России // Профессиональные учительские организации на Западе и в России. Пг., 1916. С. 258.

²³ См.: Степанский А. Д. Либеральная интеллигенция в общественном движении России на рубеже XIX–XX вв. // Исторические записки. Т. 109. 1983. С. 90.

²⁴ Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933), историк, публицист, профессор Московского университета, член ЦК партии кадетов. В 1922 г. эмигрировал в Прагу.

²⁵ См.: Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914 / Вступ. ст. и комм. М. Г. Вандалковской. М., 1996. С. 260.

²⁶ См.: Политическая стачка // Освобождение. 1905. № 65. 27 янв. (9 февр.). С. 245.

²⁷ См.: Прошение петербургских рабочих царю // Там же. С. 242.

²⁸ См., например: Освобождение. 1905. № 64. 12 (25 янв.). С. 236.

дарования прав они считали мерой важной и даже первоочередной²⁹.

Каталог прав человека, включавший пожелания неприкосновенности личности и жилища, свобод совести, слова, печати, собраний и союзов, свободы передвижения и промыслов, полной равноправности граждан независимо от пола, религии, расы и национальности, присутствовал в программах революционных партий: Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) 1903 г. и Партии социалистов-революционеров (эсеров) 1906 г. Причем требование о признании неотъемлемыми прав человека открывало программу партии эсеров в политической и правовой областях (п. 1). РСДРП также формулировала каталог политических и гражданских прав в самом начале своей программы³⁰.

Между тем для социалистов права человека не были первоочередным требованием. Они являлись для них не столько целью самой по себе, сколько средством для осуществления заглавной цели: наделение населения политическими правами рассматривалось в качестве необходимого условия для его подготовки к осуществлению социальной революции, а также для ее проведения. Однако социалисты не были единодушны в оценке гражданских прав как преимущественно инструментальной цели. Они признавали значение гражданских и политических прав в капиталистическом обществе³¹.

Отсутствие у населения прав использовалось социалистами для критики самодержавия. К примеру, в законопроектах о союзах и собраниях, внесенных социал-демократами в Государственную думу второго созыва в мае 1907 г., вопрос о правовой регламентации союзов и собраний ставился в самом общем виде. Обосновывая свою позицию, социал-демократы риторически замечали, что всякое ограничение свобод собраний и союзов следовало расценивать как выражение недоверия народу, доказавшему революционной борьбой свою политическую зрелость и способному устроиться так, чтобы его объединения не нарушали ничьих интересов³². В отличие от либералов, социалисты не проводили водораздела между гражданскими и политическими

правами, трактуя политические права (право голосовать на общероссийских и местных выборах, право быть избранным) как часть прав личности, принадлежащих каждому гражданину.

Обладание гражданскими и политическими правами имело существенный практический смысл для либеральных политиков. Ориентируясь на легальные методы работы, они не имели возможности апеллировать к широкой аудитории до тех пор, пока в стране не была разрешена политическая деятельность, базировавшаяся на юридическом закреплении свобод слова, собраний и союзов. Раздел о правах российских граждан присутствовал в тексте проекта Основного Закона Российской империи, подготовленного С. А. Муромцевым в июле 1905 г. Проект Муромцева явился программной основой для политической деятельности конституционно-демократической партии в думский период, а также для последующего конституционного движения в России. Представленный в нем раздел о правах был основательно разработан и оказал влияние на содержание гл. 8 «О правах и обязанностях российских подданных» Основных государственных законов в редакции 23 апреля 1906 г.

Программа конституционно-демократической партии начиналась разделом об основных правах граждан, включавшим такие свободы, как равенство перед законом, отмена сословных различий и всяких ограничений личных и имущественных прав поляков и евреев, свобода мысли, публичных собраний, союзов и обществ, право петиций, неприкосновенность личности и жилища, свобода передвижения и выезда за границу, полное гражданское и политическое равноправие народностей³³.

В программе находившегося на правом фланге либеральных организаций «Союза 17 октября» имелся специальный раздел об обеспечении гражданских прав, третий по порядковому номеру после сохранения единства и нераздельности Российского государства и развития и укрепления начал конституционной монархии с народным представительством во главе. Гражданская свобода трактовалась октябристами как неотъемлемый элемент политически свободного государства и основание для всестороннего развития духовных сил народа и производительных сил страны. Октябристы ратовали за ограждение прав личности законом, имевшим один естественный предел — в правах других граждан и правах общества и государства в целом. Предложенный октябристами перечень гражданских прав был весьма обширным, включая в себя наряду с правами, указанными кадетами, также

²⁹ См.: *Smith S. A. Workers and Civil Rights in Tsarist Russia, 1899–1917 // Civil Rights in Tsarist Russia / Ed. by O. Crisp and L. Edmondson. Oxford, 1989. P. 145–169.*

³⁰ См.: *Права и свободы человека в программных документах основных политических партий и объединений России. XX век. М., 2002. С. 130, 97.*

³¹ См.: *Edmondson L. Was there a Movement for Civil Rights in 1905? // Civil Rights in Imperial Russia / Ed. by O. Crisp and L. Edmondson. Oxford, 1989. P. 271, 276, 277.*

³² Цит. по: *Туманова А. С., Киселев Р. В. Права человека в правовой мысли и законодательстве Российской империи второй половины XIX — начала XX в. М., 2011. С. 246, 247.*

³³ См.: *Права и свободы человека в программных документах основных политических партий и объединений России. С. 75, 76.*

права на неприкосновенность собственности и переписки граждан, свободу выбора ими рода занятий, а также свободу труда, промышленности и торговли³⁴.

В программах менее крупных либеральных партий демократических реформ и мирного обновления, а также имевших статус либерально-консервативных организаций Прогрессивно-экономической партии, Торгово-промышленной партии, Умеренно-прогрессивной партии, Партии правового порядка также присутствовали специальные разделы о правах личности, именовавшиеся правами граждан либо основными правами³⁵. Таким образом, нельзя не констатировать, что каталог гражданских и политических прав объединял в 1905 г. все оппозиционные самодержавию политические силы.

На расширении политических и гражданских требований профессиональных групп в 1905 г. сказывались углубление общедемократических требований в профессиональном движении, а также и то обстоятельство, что гражданские свободы тесно связывались профессионалами со свободами политическими (всеобщее избирательное право). Активизация профессионального движения в свою очередь была следствием создания Союза союзов. Эта объединенная в мае 1905 г. при активном участии “Союза освобождения” организация профессионально-политических союзов интеллигенции ратовала за осуществление либерально-демократических реформ, в числе которых предоставлению и обеспечению прав человека отводилось видное место. Входивший в организацию Союз адвокатов, к примеру, на всероссийском съезде в мае 1905 г. призвал отменить положение об усиленной охране и дать свободы слова, печати, союзов и собраний, гарантировать неприкосновенность личности и жилища, а также освободить осужденных за политические и религиозные преступления³⁶.

Собрания и съезды интеллигенции весны — лета 1905 г. относили дарование прав человека к минимуму первоочередных политических и социальных реформ. Требования предварительного, до созыва Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права установления неприкосновенности личности, жилища, свободы совести, слова, печати, собраний и союзов, а также восстановления в правах лиц, пострадавших за политические и религиозные преступления, содержались в майском постановлении Союза равноправности женщин. Эта молодая организация вошла в Союз союзов в последний момент и вызвала замешательство

в либеральных кругах по причине имевшегося предубеждения против участия в политике представительниц “слабого” пола якобы в силу их социально-политической незрелости. К традиционным либеральным требованиям в области прав личности женский союз прибавил специфические пожелания уравнивания в политических и гражданских правах женщин с мужчинами, а также признания прав народностей, входящих в состав Российской империи, на политическую автономию и национальное культурное самоопределение³⁷.

Появление двух делегатов от молодой женской организации на майском съезде Союза союзов 1905 г. означало закрепление женского движения в качестве участника общественно-политического движения и предъявление им своих требований о правах, в том числе ключевого — о предоставлении женщинам избирательных прав как на всероссийских, так и на местных выборах в органы земского и городского самоуправления. Предложение женщин включить требование о женских политических правах в программу конституционно-демократической партии было поддержано с перевесом всего в два голоса³⁸.

Весной 1905 г. каталог прав личности содержался в декларациях не только столичных, но и провинциальных общественных организаций. К примеру, в записке Могилевского общества сельского хозяйства о нуждах государственного благоустройства и народного благосостояния, поданной в Совет министров в марте 1905 г., был обозначен подробный каталог прав и свобод человека. На первое место сельские хозяева Северо-Запада России поставили предоставление населению гарантий личной свободы и неприкосновенности жилища (личное задержание, вторжение в частные квартиры и вскрытие частной корреспонденции обуславливалось судебным постановлением), право свободного передвижения как внутри империи, так и за ее пределами, и свободу труда³⁹.

Существенный вклад в формирование представлений российского образованного общества о правах и свободах человека внесли члены профессионального сообщества ученых-юристов, в особенности теоретики школы “возрожденного естественного права” и социологической юриспруденции, такие как

³⁴ См.: там же. С. 48, 49.

³⁵ См.: там же. С. 52, 57, 60, 67, 80, 86.

³⁶ См.: Всероссийский съезд адвокатов // Освобождение. 1905. № 69–70. 7 (20) мая. С. 309.

³⁷ См.: Резолюция Союза равноправности женщин // Еженедель. юрид. газ. “Право”. 1905. № 21. 29 мая. Стб. 1758 (далее — Право).

³⁸ См.: Edmondson L. Women's rights, civil rights and the debate over citizenship in the 1905 Revolution // Women and Society in Russia and the Soviet Union / Ed. by L. Edmondson. Cambridge, 1992. P. 77, 84, 89.

³⁹ См.: Записка Могилевского общества сельского хозяйства // Право. 1905. № 15. 15 апр. Стб. 1204.

П. И. Новгородцев, Б. А. Кистяковский, В. М. Гессен, Н. М. Коркунов, М. М. Ковалевский, Ю. С. Гамбаров и др. По своим политическим убеждениям они принадлежали к либеральным партиям, преимущественно к кадетской.

Содержание понятия “права и свободы личности” обсуждалось в ученой среде еще в 1890-е годы. В Курсе государственного права 1892 г. правовед Н. М. Коркунов замечал, что “нет вопроса... более неотложного, требующего реформы, как вопрос об обеспечении за русским обществом прав гражданской свободы”⁴⁰. Накануне и в годы Первой русской революции либеральные философы и социологи права, а также представители наук государственного и административного (полицейского) права трактовали природу прав человека и гражданина как естественных и неотчуждаемых, обосновывали параметры отношений индивида и публичной власти в правовом и (или) конституционном государствах.

Проблема свобод вышла на первый план в правоведческой литературе с изданием Манифеста 17 октября 1905 г. “Об усовершенствовании государственного порядка”, когда в ведущих правовых и общественно-политических изданиях появилось большое число публикаций, разъяснявших содержание понятия прав и свобод человека и гражданина. Ю. Л. Шульженко справедливо указывает также на развитие переводной литературы (работы Г. Еллинека, А. Менгера, А. Орландо и др.), в большом числе появившейся в России в указанный период⁴¹. Либеральные правоведы были нацелены на осуществление в стране прав личности и видели задачу правительства в выработке юридических норм, гарантирующих их соблюдение и защиту. Разработанная ими в начале прошлого века концепция прав личности основывалась на идее предоставления населению сферы самоопределения, куда государство не должно было вторгаться, — “заповедной области гражданской свободы”⁴².

Юристы указывали на значение для русского общества провозглашения свобод с точки зрения трансформации существовавшего в России института подданства в институт гражданства. Творческая сила актов о правах и свободах состояла, по их мнению, в превращении подданного-обывателя — объекта попечительской опеки государства

и человека “ограниченного ума”, в гражданина — субъекта публичных прав и обязанностей⁴³.

Научный вклад дореволюционных юристов в разработку понятия “права и свободы человека” заключался также в их типологизации. Они подразделялись, как правило, на права личной свободы, обеспечивавшие человека в его индивидуальных действиях (сюда относились неприкосновенность личности и жилища, свобода передвижения, занятий, тайна переписки); права общественной свободы (либо общественных движений), которые обеспечивали человека в его взаимодействии с другими людьми (свободы совести, мысли, слова, печати, союзов и собраний), и свободы экономические и материальные (право собственности, право на труд и на занятие торгово-промышленной деятельностью)⁴⁴. Вторая группа прав нередко именовалась основными, или конституционными, правами, поскольку они закреплялись в конституционных документах, имеющих учредительный характер.

Права человека подразделялись также на гражданские и политические. Гражданские права понимались либеральными правоведами как права, неотъемлемо принадлежавшие каждому гражданину; гражданство гарантировало лицу, имевшему его, гражданские права. В то же время оно предоставляло только возможность, но никак не право для участия в политической деятельности. Политические права давали право на участие в политической деятельности и законотворчестве, которое предоставлялось отнюдь не всякому гражданину. Однако грань между гражданскими и политическими правами признавалась относительной. Юристы указывали на сложную юридическую природу гражданских прав, осуществлявшихся в частных интересах и превращавших индивида из объекта воздействия государства в гражданина — субъекта прав и обязанностей. Поскольку этими правами нередко пользовались не в частных интересах, а с политическими целями, они признавались политическими правами наравне с избирательным правом или правом быть присяжным заседателем. Отмечалось, что пользование этими правами составляет настоящее политическое действие и представляет собой косвенный эквивалент участия в государственной власти. К политическим правам причислялись главным образом избирательные права и право быть присяжным заседателем, к гражданским — право на свободу совести, союзов, собраний, неприкосновенность личности и др. И гражданские, и политические права трактовались либеральными

⁴⁰ Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 1. СПб., 1892. С. 316.

⁴¹ См.: Шульженко Ю. Л. Указ. соч. С. 4.

⁴² Гессен В. М. Очерк административного права. СПб., 1903. С. 86, 87; Дживелегов А. К. Конституция и гражданская свобода // Конституционное государство. СПб., 1905. С. 70, 71; Ивановский В. В. Учебник административного права. Казань, 1907. С. 212.

⁴³ См.: Гессен В. М. О правовом государстве. СПб., 1906. С. 24–26; Дживелегов А. К. Указ. соч. С. 59–61.

⁴⁴ См., например: Дживелегов А. К. Права и обязанности граждан в правовом государстве. М., 1906. С. 5, 6.

юристами как безусловные и неотчуждаемые личные права⁴⁵.

В теоретических построениях юристов права личности выступали неперенными спутниками правового государства, признававшего за населением определенную сумму прав, ограничиваемых только в судебном порядке. «Об индивидуальной свободе можно говорить только там, где государственный порядок основан на праве»⁴⁶, — писал ученый-цивилист Ю. С. Гамбаров. «Только в правовом государстве права находят свое основание в законе, равно обязательном и для подвластных, и для власти»⁴⁷, — утверждал либеральный правовед В. М. Гессен.

Итак, права и свободы человека являлись для России времени 1904–1907 гг. актуальным политическим лозунгом, переросшим в общественную кампанию и ставшим ее лейтмотивом. В необходимости их обеспечения, а также всемерного ограничения претензий государства на выражение интересов своих подданных не сомневались политики ни либеральной, ни социалистической ориентаций, ни представители различных профессиональных групп российской интеллигенции. Утверждению представления о правах и свободах как о неотъемлемых атрибутах формирующегося российского гражданина, неприкосновенных для государства, способствовали правоведы.

Увлеченность общества формулированием конституционной идеи сделала права человека сердцевиной общественных дискуссий. Категория «права и свободы человека» присутствовала в дискурсе сил, представленных на политической арене позднимперской России, тогда, когда заходила речь о коренных политических реформах, без которых, как считали многие современники, власти нельзя было уберечься от потери авторитета, а обществу — от всевластия бюрократии, систематических народных голодовок, падения престижа образования и знания, иных социально-экономических и бытовых неурядиц. В дебатах о правовом и конституционном государстве начала XX в. пункты о гражданских и политических правах служили программой-минимум.

Следует отметить, что каталог прав и свобод человека сыграл консолидирующую роль в развитии российского общества кануна и периода Первой

русской революции, поскольку сплотил различные направления общественного движения.

Нельзя не признать и существенные препятствия на пути осуществления прав и свобод личности в Российской Империи. Они заключались в авторитарных традициях управления, обеспечивавших приоритет публичной власти перед личностью, в отсутствии развитых гражданского общества и правовой культуры. Патерналистская культура и традиции препятствовали установлению прав и свобод личности. В силу сословного характера российского общества и отсутствия правового равенства не все права получали одинаковое общественное признание.

Вместе с тем само по себе провозглашение различными политическими и профессиональными группами в России в 1904–1907 гг. прав и свобод личности в качестве общезначимого лозунга создавало новую реальность. Революция 1905–1907 гг. явилась для правящей элиты временем частичного пересмотра традиционных ценностей, олицетворенных в самодержавном строе и патриархально-протекционистском отношении к обществу. Правительство прибегло к реформаторству в области прав человека, важными этапами которого явились Указы от 18 февраля 1905 г. о допущении политических петиций; от 17 апреля 1905 г. об укреплении начал веротерпимости; от 12 октября 1905 г. об установлении Временных правил о собраниях; от 6 августа 1905 г. об учреждении законосовещательной Государственной думы; от 4 марта 1906 г. об установлении свобод союзов и собраний и др. Рубежной вехой в области законодательного закрепления прав и свобод личности в России явился Манифест 17 октября 1905 г., объявивший о намерении императора «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Несмотря на ограниченность Манифеста, в котором, в отличие от западных хартий о правах, отсутствовали упоминания о неприкосновенности частной собственности и равенстве всех перед законом, его нормы носили учредительный характер и были подкреплены временными правилами, конкретизировавшими правовое содержание декларированных прав и свобод. Подробный каталог прав и свобод российских подданных содержал Свод основных государственных законов 1906 г. (гл. 8). Они заметно расширили перечень прав и свобод личности, провозглашенных Манифестом 17 октября, а также придали им статус универсальных прав российских подданных, подытожив поистине революционные подвижки в развитии института юридического статуса личности в начале прошлого века.

⁴⁵ См.: Ковалевский М. М. Общее конституционное право. СПб., 1907–1908. С. 105, 106; Гессен В. М. О правовом государстве. С. 24–26; Дживелегов А. К. Указ. соч. С. 59–61; Матвеев В. Г. Право публичных собраний. СПб., 1909. С. 1–3.

⁴⁶ Гамбаров Ю. С. Свобода и ее гарантии. Популярные социально-юридические очерки. СПб., 1910. С. 279.

⁴⁷ Гессен В. М. О правовом государстве. С. 26, 27.